

ФІЛОСОФСЬКІ ПРОБЛЕМИ НАУКИ І ТЕХНІКИ

УДК 130.1

А.Н. БАРДИН, канд. филос. наук, доц., НТУ «ХПИ», Харків

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОЙНЫ И ТЕРРОРИЗМА

Проблема, о которой идёт речь в статье, состоит в том, чтобы исследовать теоретико-методологические основания войны и терроризма как способов разрешения конфликтной ситуации.

Проблема, про яку йде мова у статті, полягає в тому, щоб дослідити теоретико-методологічні підвалини війни та тероризму як шляхів вирішення конфліктної ситуації.

The problem considered in the article is the investigating of the theoretical-and-methodological basis of the war and terrorism as the ways of the conflict situations decision.

В общем виде проблема, о которой идёт речь в статье, состоит в том, чтобы исследовать теоретико-методологические основания войны и терроризма как способов разрешения конфликтной ситуации. Данная проблема связана с темой диссертационного исследования автора статьи «Терроризм как деструктивный фактор цивилизации (социально-философский анализ)».

Проблемы войны и терроризма сегодня исследуются в различных аспектах такими авторами как А.Н. Трайнин, Е.Г. Ляхов, В.П. Емельянов, В.В. Витюк, А.С. Кармин, К.С. Гаджиев, А.Е. Разин, В.Ф. Антипенко, В.В. Остроухов, К. Клаузевиц, Р. Арон, Е.Э. Мессер, П. Уилкинсон, Р. Дарендорф, С. Хантингтон и другие. Имеющиеся на сегодняшний день исследования не могут послужить процессообразующим базисом в понимании сущности войн нового поколения и терроризма. И мы не можем определить причины, корни, факторы, тенденции современного терроризма для выстраивания последовательной антитеррористической методологии.

Задача статьи – проанализировать сущностные характеристики войн нового поколения, и показать, что войну необходимо исследовать как процесс развивающийся, изменяющийся и в своём содержании, и в формах проявления. Дать сравнительный анализ дефиниций «война», «терроризм».

Неизменным спутником социального развития и жизни человечества, признанной формой многих возникающих в международных отношениях конфликтов являются войны и вооружённые столкновения. С точки зрения изучения терроризма, родственного войне прежде всего в силу насильственной основы действий, целесообразно уделить надлежащее внимание обширному опыту исследований о возникновении, целеопределении и мотивации войн, их роли и месте в общественном развитии стран, народов и мирового сообщества в целом.

В сравнительно мирных международных и внутренних условиях XIX века вполне естественно было верить, что вечная линейная тенденция должна быть обнаружена в области войны и что эта тенденция непременно должна вести ко всё большему сокращению войн до тех пор, пока они окончательно не исчезнут; эта же тенденция должна сопровождаться постоянным вытеснением насилия из сферы внутреннего прогресса общества. Вспомним в данной связи хотя бы проекты «Вечного мира» И. Канта, где выдвигались возможные пути и способы утверждения нерушимых мирных взаимоотношений между народами. Вслед за ним основатель позитивизма О.Конт обосновывал мысль о том, что уже в его время войны стали анахронизмом.

Во все времена человеческие сообщества в различных формах и ипостасях отнюдь не считали мир высшим благом. Так, например, Гераклит классически сформулировал, что «война – отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других свободными» [7, с. 60]. Во всяком случае, оправдания войн всегда находили самые убедительные. Большинство древних исходили из того, что война и мир сами по себе не есть ни благо, ни зло. Её оценка зависит от конкретных обстоятельств. Уже Демосфен разделял войны на справедливые и несправедливые.

«Войны – это специфическое социальное явление, возникшее, вероятно, в какой-то определённый момент человеческой истории: они означают организацию насильственных действий противостоящими друг другу сообществами», отмечает Р. Арон [2, с. 409]. Да, война представляет собой не отношение между индивидами, а отношение между государствами. «Война совершенно не есть отношение человека к человеку, она есть отношение государства к государству, где частные лица оказываются врагами лишь случайно и притом не как обыкновенные люди и даже не как граждане, а как солдаты; они выступают не как составные части отечества, а как его защитники» [8, р. 610]. Это философское представление войны может быть истолковано как схема идеального типа.

Карл Клаузевиц определяет войну как столкновение значительных интересов, которые разрешаются с помощью кровопролития. И только этим кровопролитием отличается от других общественных конфликтов. «Война, – пишет Карл Клаузевиц, – является актом насилия, направленным на то, чтобы вынудить противника исполнить нашу волю» [4, с. 51]. Клаузевиц выводит тенденцию о том, что война стремится к экстремальным формам или же принимает свою абсолютную форму. Смысл этого состоит в том, что можно назвать, считает Р.Арон, «диалектикой борьбы» [2, с. 71]. «Война является актом насилия, и нет предела проявления этого насилия...» [4, с. 51]. Присутствие насилия и применение вооружённой военной составляющей присуще обоим рассматриваемым явлениям – и терроризму и войне.

Присутствие черт терроризма в войнах и военных конфликтах отмечалось давно. Суть понимания взаимоотношений войны и террора, как настаивал Клаузевиц, в том, что война «всегда столкновение двух живых сил», а не «действия живой силы против безжизненной массы». Другими словами, война – это взаимная активность между сравнимыми (хотя и не обязательно равными) силами. Терроризм – это односторонние отношения между неравными. Это могло бы быть более честно определено как использование насилия вооружёнными против безоружных. Только потому, что цели безоружны, незащитны, не подготовлены путём организации или тренировки для того, чтобы справиться с шоком насилия, они подвержены террору. Традиционные вооружённые действия против вооружённых сил могут терроризировать, но это не терроризм.

События последних десятилетий XX – начала XXI столетия свидетельствуют о том, что военно-насильственные меры ещё далеко себя не исчерпали как инструмент решения политических проблем. Так, положительные сдвиги 90-х годов во взаимоотношениях между государствами совершенно не повлекли за собой каких-либо шагов в сторону демилитаризации. Возможно, только Украина, которая добровольно отказалась от ядерного оружия, составляет в этом отношении исключение. Рассмотрение терроризма в совокупности вооружённых насильственных форм политического действия, каковыми являются войны и военные конфликты, даёт также возможность полнее определить отношение к нему социальных систем, институтов, групп, также исследовать влияние терроризма на эволюцию социально-политической системы общества, форм собственности, на устройство власти, методы и формы управления государством. С другой стороны, возникает более чёткое понимание влияния социально-политической сферы на терроризм, то есть выяснение того, какие социальные и политические системы обеспечивают его возникновение и развитие и имеют потенциал к использованию терроризма как средства политической борьбы [1, с. 273].

На наш взгляд, войну необходимо исследовать как процесс развивающийся, изменяющийся и в своём содержании, и в формах проявления, и в

сущности. Во времена К. Клаузевица государство или политическая сила внутри него могла добиться решительных целей почти исключительно в результате вооружённой борьбы, которая закономерно, поэтому считалась главным, существенным элементом войны. Суть в том, что ход и исход войны решают массовые армии в сражениях. Эти положения, в определённой мере правильные для своего времени, в XIX-XX веках стали господствующими в понимании содержания войны. Догматическое использование выдвинутого Клаузевицем принципа применения вооружённой силы без всякого ограничения и без учёта того, во что это обойдётся, постепенно привело к появлению теории абсолютной, тотальной войны.

Интерес к войнам при исследовании терроризма обусловлен не только политической основой, насильственной родственностью, многочисленными невинными жертвами, утраченным, а также другими факторами, объединяющими эти явления. Интересным представляется тот факт, что эскалация терроризма, террористических форм борьбы в военных и других насильственных действиях происходит на фоне снижения удельного веса и роли войн в международных отношениях в классическом их понимании. Поэтому имеются основания вести речь о некоей общей величине насилия в мировом развитии и преемственности терроризма по отношению к войнам – наиболее приемлемой для современной мировой ситуации формы насильственного разрешения противоречий. Значимо то обстоятельство, что терроризмом охвачено множество стран. Не приходится сомневаться, что терроризм – это общемировое явление. Используя терминологию войн, такие масштабы террористического конфликта с учётом международного потенциала его развития угрожают стать соразмерными с мировой войной. [1, с. 270].

Сегодня обращается внимание на то, что хотя опасность глобальной войны и отступила, на горизонте появились новые угрозы, которые гораздо сложнее определять и отслеживать. Полагают, что одним из вариантов сценария развития обстановки на ближайшие 10 лет является возможность быстрого соскальзывания в глобальный беспорядок, при котором общий уровень нестабильности и опасности значительно возрастёт. Одним из наглядных признаков «глобального беспорядка» уже в течение многих лет является международный терроризм. Таким образом, мировое сообщество стоит перед новой угрозой войны, которая может занять много времени и охватит всю планету. Этот новый вид угрозы характерен тем, что противник растворён в самом обществе и обнаружить, обезвредить его крайне сложно.

Обратим внимание, что войны в целом приобрели содержание масштабированного организованного государственного террора. Родственность и общее международно-политическое происхождение войн и терроризма исследовал К.С. Гаджиев, указывая на то, что значительная доля истины содержится в оценках тех наблюдателей, которые, анализируя конфликты

последних лет во всемирном масштабе, высказывают мысль, что таким образом проявляет себя пропущенная третья мировая война [3, с. 400].

В данном контексте представляет интерес концепция мятежевойны, сформулированная Е.Э. Месснером. Он констатирует, что сегодня «войны сплелись с мятежами, мятежи – с войнами, создалась новая форма вооруженных конфликтов, назовем ее мятежевойной...». Если в прежних войнах важным почиталось завоевание территории, то впредь «важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве» [5, с. 10].

Террористы на практике претворяют в жизнь концептуальные положения Евгения Месснера и это внушает опасение, что борьба с ним будет действительно очень непростой. И это действительно будет еретическая война, так как она не признает никаких правил при своем ведении.

Новой эпохе, видимо, будут присущи так называемые «цивилизованные» или «нетрадиционные» войны, в которых вооружённая борьба либо не будет вестись вообще, либо будет иметь вспомогательное значение. Важно отметить, что нетрадиционные войны становятся самостоятельным явлением, особым способом насильственного разрешения противоречий.

Говоря о войнах будущего, необходимо остановиться и на возможности ведения так называемых «управляемых войн». Речь идёт об изощрённой стратегии «непрямых действий». Возможность разрушать и побеждать государства и их армии без вооружённой борьбы обосновывал ещё в VI-V веках до н.э. китайский философ и военный деятель Сунь-Цзы. Он писал: «Тот, кто умеет вести войны, покоряет чужую армию, не сражаясь; берёт чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа своё войско долго» [6, с. 115]. Сунь-Цзы утверждал, что самая лучшая война – разбить замыслы противника, на втором месте – разбить его союзы и только потом – разбить его армию. Поскольку цель войны – получение выгоды, то ради этого надо сделать всё, чтобы овладеть страной и армией противника, не разрушая их. В будущих «управляемых войнах» непосредственно силовые акции постепенно станут отходить на второй план.

Отметим одно существенное обстоятельство, которое отражает тенденцию к сближению содержания современных войн и вооружённых конфликтов с терроризмом путём очевидной трансформации обоих явлений. Речь идёт о так называемых войнах четвёртого поколения, войнах будущего, когда страны будут втянуты в вооружённое противостояние с террористическими и подобными военизированными формированиями, которые не имеют прямой государственной принадлежности. Контуры перерастания спорадического и «очагового» терроризма в террористическую войну (возможно мировую) просматриваются довольно ощутимо.

Проблема четкого разграничения явлений «война» и «терроризм» носит концептуальный характер. Исследователи давно отметили определённую причинно-следственную связь, существующую между конфликта-

ми слабой интенсивности, к которым относится и терроризм, и широко-масштабными военными действиями. В истории терроризма было немало случаев, когда акты терроризма служили своеобразным детонатором для разворачивания войны. «Как жестокий внутренний терроризм часто ведёт к полномасштабной кровавой гражданской войне, также международный терроризм иногда даёт начало международной войне» [9, р. 458]. Нередко анархия, порождаемая локальным терроризмом, перерастает в гражданскую войну, в конце концов, поглощая соседние страны и даже более отдалённые правительства и их народы.

Многие войны XX века приобрели террористический характер. Это в частности, нашло выражение в возрастании жертв и страданий среди мирного населения. Причём одна из целей такого способа ведения войн – подорвать моральный дух противника и сломить его волю к сопротивлению.

Подводя итоги можно констатировать, что интерес к войнам при исследовании терроризма обусловлен не только политической основой, насильственной родственностью, многочисленными жертвами, устрашением, а также и тем, что эскалация терроризма, террористических форм борьбы в военных и других насильственных действиях происходит на фоне снижения удельного веса и роли войн в международных отношениях в классическом их понимании. Обращаем внимание на то, что войны в целом приобрели содержание массированного организованного государственного террора.

«Очевидно стремление противоположных в конфликтах военного и террористического характера сторон повысить эффективность действий путём влияния на наиболее доступную среду, что приводит к росту невинных жертв» [1, с. 288]. Разграничительным фактором терроризма и войны можно определить открытое вооружённое противостояние как основной способ ведения войны. Но можно утверждать, что и эта граница всё более размывается.

Перспективность и актуальность данной темы состоит в том, что сегодня терроризм стал предметом глобальной озабоченности, оттеснив на второй план такие реальные мировые угрозы, как ядерная, экономическая, демографическая. Терроризм становится, а по сути уже стал планетарной угрозой.

Список литературы: 1. *Антипенко В.Ф.* Борьба с международным терроризмом: международно-правовые подходы. – Киев: ЮНОНА-М, 2002. 2. *Арон Р.* Мир и война между народами. – М.: NOTA BENE, 2000. 3. *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику: Учеб. для вузов. – М.: Издат. Корпорация «Логос», 1998. 4. *Карл фон Клаузевиц.* О войне. Кн. I. – Париж: Editions de Minuit, 1950 – Кн. I. 5. Независимая газета. – 2001. – 21 сентября. 6. *Разин А.Е.* История военного искусства. – Т.2. – М.: Воениздат, 1986. 7. *Рассел Б.* История западной философии. – М., 1959. 8. *Rousseau J.J.* Ecrits sur L'Abbe de Saint-Pierre. In ceuvres Completes, vol. III. «La Pleiade», Gallimard, 1970. 9. *Wilkinson P.* Pathways out of Terrorism for Democratic Societies // Contemporary Research on Terrorism. Edited by Paul Wilkinson and Alasdair M. Stewart. Aberdeen University Press. Aberdeen, 1989.

Поступила в редколлегию 17.11.2011.